

А. Г. Кудрявцев
Челябинск, Россия

A. G. Kudryavtsev
Chelyabinsk, Russia

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ
МИРА. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ
НА КОНЦЕПТ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»
В НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ**

**TOLERANCE IN LINGUISTIC WORLDVIEW.
ETHNOCULTURAL SPECIFICITY
AND POLITICAL FACTORS AFFECTING
THE CONCEPT OF TOLERANCE
IN NATIONAL WORLDVIEW**

Аннотация. Изучаются концепты «толерантность» и «терпимость» в русской языковой картине мира и концепты «tolerans», «hoşgörü» и «müsamaha» в турецкой языковой картине мира, производится сравнительный анализ когнитивных признаков, входящих в структуру концептов «толерантность», «tolerans» и «hoşgörü». Кроме того, рассматриваются некоторые политические и другие факторы, влияющие на формирование и развитие вышеупомянутых концептов в языковых картинах мира анализируемых национальных культур.

Abstract. The article studies the concepts of “толерантность” and “терпимость” in Russian linguistic worldview and the concepts of “tolerans”, “hoşgörü” and “müsamaha” in Turkish linguistic worldview. It includes comparative analysis of the cognitive features comprising the structure of the concepts of “толерантность”, “tolerans” and “hoşgörü”. Besides, the article mentions some of the political and other factors affecting the formation and development of the abovementioned concepts in the analyzed national cultures.

Ключевые слова: толерантность; концепт; языковая картина мира; этноспецифичный концепт; политический дискурс.

Key words: tolerance; concept; linguistic worldview; ethnospecific concept; political discourse.

Сведения об авторе: Кудрявцев Алексей Геннадьевич, аспирант, кафедра французского языка и межкультурной коммуникации.

About the author: Kudryavtsev Alexey Gennadievich, Post-graduate Student, Chair of the French Language and Intercultural Communication.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Контактная информация: 454000, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, к. 339.

e-mail: lieroitrans@gmail.com.

Толерантность, утвердившаяся в XX в. как один из столпов успешного взаимодействия между представителями различных культур, привлекает внимание многих исследователей, являющихся специалистами в разных сферах науки. Столь широкий интерес к толерантности как объекту исследований может быть объяснен тем, что ее существенная роль прослеживается на всех уровнях межкультурных отношений — от политического до бытового межличностного.

Очевидно, что прогресс от неприятия элементов другой культуры к толерантности наиболее заметен на личностном уровне, ведь каждый человек в процессе развития проходит различные его ступени — от оппозиции «свой = хороший — чужой = плохой», наиболее характерной для детей и подростков, до терпимого отношения к отличиям между представителями разных культурных и этнических общностей. Следует отметить, что подобный прогресс на протяжении гораздо более существенных временных периодов характерен и для культур в целом. При изучении лингвоспецифичных аспектов языковой концептуализации мира в той или иной культуре можно отметить многочисленные примеры динамичного развития от этноцентризма к толерантности. Концепты, прежде отсутствовавшие в языковой картине мира определенного народа, проникают в нее в процессе взаимодействия с другими культурами и часто успешно приживаются.

Само понятие «толерантность» является ярким примером указанного процесса. В трудах А. Ю. Соловьева, О. А. Михайловой, И. В. Понкина и др. отмечаются различия между понятиями «толерантность», «терпимость», «ненасилие» и т. д. Первое из них, самое новое, появилось в русской языковой картине мира ввиду неспособности других лексических единиц в полной мере передать его значение. Отметим, что слово «толерантность» стало сравнительно широко использоваться в русском языке в смысле, привычном нам, весьма недавно — лишь в конце XX в. Однако О. А. Михайлова в одной из своих работ отмечает, что «речевые материалы также свидетельствуют о достаточно активном употреблении этого слова писателями XIX века и о его практическом отсутствии в первой половине XX века» [Михайлова 2005: 101]. Такое резкое понижение частотности употребления лексемы было обусловлено сменой национальной идеологии и политического режима: в Советском Союзе толерантность стала считаться отрицательным качеством человека и культуры. Это в некотором роде парадоксально, ведь политика интернационализма являлась одной из немаловажных составляющих социализма, а это делало советскую власть в известном смысле толерантной. К примеру, З. В. Брандт рассматривает «признание различий и многообразия этнических образований» [Брандт 2002], подразумевав-

шееся политикой интернационализма, как естественный элемент толерантности. Так или иначе, лексема «толерантность» и связанное с ней концептуальное поле практически вышли из русской языковой картины мира почти на целый век, вернувшись в нее лишь с падением коммунистического режима и последовавшей переориентацией общества на общемировые социально-культурные ценности.

Тот факт, что понятие «толерантность» определяется через лексему «терпимость», свидетельствует об их принадлежности к одному лексико-семантическому полю. В «Большом энциклопедическом словаре», например, толерантность определяется как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» [БЭС 1997: 1209]. Данное определение демонстрирует, что понятие «терпимость» является категориальным для термина «толерантность». В русском языке первое из этих двух понятий, очевидно, наделяется более широким смыслом: В. И. Даль в своем словаре, к примеру, определяет «терпимость» как «способность что-либо терпеть только по милосердию или снисхождению» [Даль 1998].

Похожая ситуация в данный момент наблюдается в турецком языке: заимствованная лексема *tolerans* употребляется наряду с гораздо более старыми *hoşgörü* и *müsamaha*. Наиболее древней из них является лексема *hoşgörü*, пришедшая в турецкий из персидского; сочетание корней «*hoş*» и «*gör*» (глагол *görmek*) в дословном переводе означает «видеть приятное». Отметим, однако, что все три понятия, реализуемые в языке посредством этих лексем, гораздо ближе к русскому слову *толерантность*. Русскоязычное понятие *терпимость* скорее можно отождествить с турецким *sabır*. В данной работе мы сосредоточимся на первых трех из вышеупомянутых лексем, так как именно посредством них в турецком языке реализуется интересующий нас концепт.

Для определения сходств и различий в значении анализируемых слов сравним их определения, предлагаемые словарями:

1) *Hoşgörü* — «*kendi düşünce ve inançlarına karşıt düşünce ve inançları olabildiği kadar hoş görme durumudur*» («умение человека с терпением относиться к мнениям и убеждениям, противоположным его собственным») [Meydan Larousse... 1990: 28].

2) *Müsamaha*. Османско-турецкий энциклопедический словарь Ферита Девеллиоглу [Devellioğlu 1993: 738] отождествляет это понятие с такими, как *hoşgörü*, *tolerans*, толкуя слово *müsamaha* через них. Носители языка отмечают, что в настоящее время данная лексема употребляется все реже и, скорее всего, относится к пласту устаревшей лексики.

3) *Tolerans*. Показательно, что в качестве дефиниции лексемы *tolerans* все проанализированные нами словари тоже приводили отдельно взятые лексемы *hoşgörü*, *müsamaha*.

Данную точку зрения не разделяют многие турецкие лингвисты (Мехмет Айдын, Омер Аслан, Хюсейин Батухан), отмечая существенную разницу между значениями слов *hoşgörü* и *tolerans*. Еще в 50-х гг. XX в. Батухан указывал, что концепты, реализующиеся через эти лексические единицы, не эквивалентны друг другу: *Toplumumuz, farkına varmadan hoşgörü ve tolerans kavramlarını birbirinin yerinde kullanmaktadır. Halbuki bunlar birbirinin aynı değildir. Bu yönyledir ki, Türk dilinde tam karşılığının olmadığı belirtilen tolerans kelimesinin şimdilik aynen kullanılması gerektiği vurgulanmaktadır* [Batuhan 1957: 25] («В нашем обществе концепты *hoşgörü* и *tolerans* могут являться взаимозаменяемыми, так как разница между ними людьми не замечается. Однако они не эквивалентны. Учитывая это, отметим, что на сегодняшний день в турецком языке нет абсолютного эквивалента лексемы *tolerans*, полностью определявшего бы ее значение и, следовательно, использование ее необходимо»).

При объяснении появления лексемы *tolerans*, на наш взгляд, следует исходить из историко-культурной специфики турецкой языковой картины мира. Являясь по сути чуждой турецкому языку, данная единица вошла в его состав и получила в нем достаточно широкое распространение в начале XX в., в период реформации страны и культуры под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка. Мы можем предположить, что более старые лексемы *hoşgörü* и *müsamaha* не смогли в полной мере реализовать концепт *толерантность* в турецком языке, вследствие чего появилась необходимость в усвоении заимствования. Отметим, однако, что сам Мустафа Кемаль, неоднократно в своих выступлениях задевавший тему толерантности, новую лексему в речи не использовал — в проанализированных нами цитатах встречается слово *hoşgörü* либо сходное по значению *taassupsuzluk* («отсутствие фанатизма»):

Uygarlık demek, bağışlama ve hoşgörü demektir. İlkel toplumlardır ki kan davası güderler. Bağışlamaya, hoşgörüye dayanmayan uygarlık, zorbalığa dayanan uygarlıktır ki, çöker... O, uygarlık değildir [Hoşgörü 2009] / Когда мы говорим о цивилизации, мы говорим об умении прощать и толерантности. Общества, практикующие законы кровной мести, примитивны. Цивилизации, отрицающие умение прощать и толерантность, не противостоящие тирании, быстро разваливаются... Их и цивилизациями нельзя назвать.

Muhtelif inançlı kimseler, birbirlerine, kin nefret besliyorsa, birbirlerini hor görüyorlarsa ve hatta sadece birbirlerine acıyorlarsa, bu gibi kimselerde taassupsuzluk yoktur, bunlar mutaassıptırlar [Atatürk Hoşgörü Söyleri 2010] / У разнообразных верующих, возвращающих друг к другу ненависть, презирающих друг друга, даже нападающих друг на друга, нет чувства толерантности. Они — просто фанатики.

Таким образом, наибольший интерес для исследования в данный момент представляют лексемы *hoşgörü* и *tolerans*, равно как и реализующиеся посредством них концепты. Лексему *müşahade* в нижеследующей части исследования мы рассматривать не будем ввиду низкой частотности ее употребления в современном языке. Далее мы проанализируем различия между концептами *hoşgörü* и *tolerans* и попытаемся выявить, какой из них ближе к лингвокультурологическому концепту *толерантность* в русском языке. Сразу оговоримся, что полный эквивалент в данном случае найти вряд ли удастся, так как, на наш взгляд, любой концепт в том или ином языке обладает специфическими культурными и историческими коннотациями.

Указывая на разницу между концептами *hoşgörü* и *tolerans*, некоторые авторы приводят в качестве доказательства аналогичную русскую пару «толерантность — терпение»: *Toleransın sabır anlamına geldiğinin ve dolayısıyla, hoşgöründen farklı olduğunun ifade edildiği bir diğer görüşe göre ise, hoşgörüyü tolerans aynı şeyler olmayıp, toleransın içinde zaten hoş kelimesinin geçmesinin çok abes olduğu ve dolayısıyla toleransta hiç bir şekilde hoşluğun söz konusu olamayacağı belirtilmektedir* [Ortaylı 2000: 20] / Если, с другой точки зрения, лексема „tolerans“ принимает значение „терпение“, реализуя, таким образом, концепт, отличный от концепта „hoşgörü“, абсурдно было бы предполагать наличие элемента „hoş“ («приятный») в структуре концепта „tolerans“, и, следовательно, можно с уверенностью говорить о том, что в структуре концепта „tolerans“ отсутствует какой-либо оттенок „приятности“.

Омер Аслан, в свою очередь, анализирует структуры концептов *hoşgörü* и *tolerans*, чтобы указать на различия между ними. По версии этого исследователя, в структуру концепта *hoşgörü* входят следующие когнитивные признаки:

- 1) важность, значимость (ситуации, в которой субъект реализует терпимость как свое личное качество);
- 2) гармония и согласие;
- 3) мир и благополучие;
- 4) неотрицание инакомыслия;
- 5) разнообразие;
- 6) низкая степень терпимости к отклонениям;
- 7) способность с терпением выносить агрессию третьих лиц.

На наш взгляд, особый интерес представляет такой элемент концепта *hoşgörü*, как низкая степень терпимости к отклонениям. Несмотря на то что наличие этого компонента, на первый взгляд, достаточно спорно, автор успешно доказывает свою точку зрения, ссылаясь на то, что критерии допустимости/недопустимости того или иного отклонения от правила являются субъективными для каждого человека: «Человек, обладающий качеством „hoşgörü“, никогда не примет отклонения, находящиеся

вне его естества» [Aslan]. На наш взгляд, данный элемент рассматриваемого концепта можно отнести к этноспецифическим, так как, к примеру, в русской языковой картине мира он вряд ли будет присутствовать в аналогичных концептах.

Структура концепта *tolerans*, по мнению исследователя, представляет собой сочетание следующих когнитивных признаков:

- 1) высокая степень терпимости к отклонениям;
- 2) важность, значимость (ситуации, в которой субъект реализует толерантность как свое личное качество);
- 3) возможность порицания объекта толерантности;
- 4) сила (разумное применение силовых методов решения ситуации);
- 5) неотрицание инакомыслия;
- 6) благополучие (как объективная цель толерантности);
- 7) способность с терпением выносить агрессию.

Отмечая разницу в степени терпимости к отклонениям, автор, очевидно, указывает на то, что *hoşgörü* является личностным качеством, в то время как *tolerans* присущи общесоциальные признаки. В первом случае критерии допустимости/недопустимости отклонения, как мы уже говорили, определяются индивидом, в то время как во втором их обозначает общество.

Еще одна особенность приведенной структуры концепта *tolerans* — то, что субъект толерантности всегда превосходит ее объект по «силе» (имеется в виду психологическое либо физическое/материальное превосходство). Из этого следует вывод, что толерантность в турецкой языковой картине мира — это «удел сильных».

Для сравнения приведем анализ структуры русского концепта «толерантность», предложенный в работе Н. А. Неровной. В общей сложности исследователь выделил 78 когнитивных признаков вышеупомянутого концепта в русском языке. Ниже приведены лишь некоторые из них, обладающие наивысшим индексом яркости и составляющие ядро, ближнюю периферию и часть дальней периферии концепта. Итак, основными элементами концепта *толерантность* в русской языковой картине мира являются следующие:

- 1) снисходительность, мягкость по отношению к другому;
- 2) готовность мирно сосуществовать с другим;
- 3) способствует преодолению конфликтов;
- 4) почтительное отношение;
- 5) заключается в непрявлении эмоций;
- 6) проявляется по отношению к другому;
- 7) невраждебность;
- 8) признание многообразия форм самовыражения;
- 9) проявляется по отношению к личности;
- 10) дипломатичность;
- 11) дружелюбное отношение;

- 12) понимание многообразия форм самовыражения;
- 13) соблюдение политических прав человека;
- 14) человеколюбие;
- 15) проявление культуры;
- 16) проявляется по отношению к чужому;
- 17) проявление вежливости;
- 18) признание значимости человеческой личности [Неровная 2009].

Сравнивая структуру концептов *tolerans* в турецком и *толерантность* в русском языках, можно отметить несколько существенных различий, которые маркируют национальную специфику каждого из них. В первую очередь отметим, что в русском языке концепт *толерантность* может рассматриваться как свойство взаимодействия между индивидами (проявляется по отношению к личности, признание значимости человеческой личности), что противоречит отмеченной нами ранее общесоциальной специфике концепта *tolerans*. Во-вторых, обратим внимание на тот факт, что в турецкой языковой картине мира толерантность оставляет за субъектом право на порицание объекта и даже применение силовых мер в ситуациях, требующих этого, в то время как в русской языковой картине мира данные когнитивные признаки концепта «толерантность» имеют очень низкий индекс яркости. В то же время в турецкой языковой картине мира способность с терпением выносить агрессию выступает одним из категориальных признаков толерантности, а в русской языковой картине мира данный признак отсутствует. Нельзя, однако, оставить незамеченными и определенные точки соприкосновения между структурами данных концептов в русской и турецкой языковых картинах мира, как то:

- 1) неотрицание инакомыслия/признание многообразия форм самовыражения;
- 2) благополучие (как объективная цель толерантности)/готовность мирно сосуществовать с другим, способствует преодолению конфликтов.

Таким образом, концепт «толерантность» является этноспецифичным для русской и турецкой языковых картин мира, несмотря на общие предпосылки его появления в рассматриваемых культурах, а также общую область взаимодействия. При анализе данного концепта в разных языковых картинах мира необходимо следовать принципу кросскультурности, которая, по мнению Л. А. Нефедовой, «способствует более точному пониманию проблемы культурной идентичности определенного человеческого сообщества..., возможного вследствие динамики связей в многонациональном социуме» [Нефедова 2009: 20]. Этническая специфика рассматриваемых концептов обуславливается рядом факторов, среди которых можно выделить социокультурные (разные схемы развития общества и соответственно языковых картин мира), исторические (лексема *tolerans* вме-

сте с реализуемым ей концептом вошла в широкое употребление в турецком языке на несколько десятков лет раньше, чем лексема и концепт *толерантность* в русском языке) и др. Особо следует отметить ряд политических факторов, которые, несомненно, повлияли на вхождение концепта «толерантность» и особенности его развития в русской и турецкой языковых картинах мира. К данному типу факторов в истории России, а также в современном российском обществе можно отнести следующие:

- 1) смена власти и национальной идеологии в начале XX в. и мощное влияние новой идеологии на все аспекты жизни общества, включая лингвокультурный;
- 2) эскалация межнациональной розни на базе локальных дипломатических и вооруженных конфликтов на Северном Кавказе в конце XX в.;
- 3) отказ ратифицировать 12-й протокол Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в 2000 г., обязывающий государство гарантировать любые права без какой-либо дискриминации и предусматривающий механизм наказания в случае невыполнения обязательств;
- 4) разработка федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе».

В истории и современной жизни Турции к причинам данного типа можно отнести следующие:

- 1) относительная автономность религиозных общин в Османской империи, которым было разрешено использовать свои религиозные нормы при решении внутренних вопросов. Ответственность за поведение каждой общины перед правителем империи, султаном, нес ее духовный лидер — Главный Раввин (Хахам-Баши), Патриарх Ассирийской церкви и т. д.;
- 2) политика «светскости» (секуляризм) Мустафы Кемаля Ататюрка;
- 3) отсутствие полноценного легального статуса у религиозных организаций в Турции на сегодняшний день;
- 4) эскалация межнациональной розни между турецким и курдским населением и активизация противостояния на уровне политических партий — поляризация политической сцены в связи с растущей популярностью партии Националистического движения (поддерживается турецкими националистами) и партии Демократического общества (поддерживается курдским меньшинством).

В вышеприведенных списках указаны как причины, стимулирующие развитие норм толерантности во всех аспектах жизни общества, так и причины, сдерживающие это развитие.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой энциклопедический словарь = БЭС. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Большая Рос. энцикл, 1997.
- Брандт З. В. Толерантность и интолерантность: два полюса одной культуры // Ломоносовские чте-

ния — 2002 : сб. ст. молодых ученых. Т. 1. URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library?e=d-000-00---0lomon-00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-ru-50---20-help---00031-001-1-0windowsZz-1251-10&a=d&c=lomon&c1=CL1&d=HASH01c3a249426dbcd9dee23a3.5> (дата обращения: 24.08.2011).

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. 1998. URL: <http://slovari.yandex.ru/терпимость%20словарь%20даля/Толковый%20словарь%20Даля/ТЕРПЕТЬ> (дата обращения: 24.08.2011).

Михайлова О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 99—111.

Неровная Н.А. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов *толерантность*, *терпимость* в русском и английском языковом сознании) : дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2009. URL: <http://www.aspirant.vsu.ru/ref.php?cand=1430> (дата обращения: 24.08.2011).

Нефедова Л. А. Кросскультурные особенности языковой личности / Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Кросскультурное и полиязычное образование в современном мире». — Костанай, 2009. С. 14—20.

Aslan Ö. Hoşgörü ve tolerans kavramlarına etimolojik açıdan. Analitik bir yaklaşım. URL: <http://eskidergi.cumhuriyet.edu.tr/makale/325.pdf> (дата обращения: 24.08.2011).

Atatürk Hoşgörü Söyleri. 2010. URL: <http://www.odevindiryap.com/ataturk-hosgoru-sozleri/> (дата обращения: 24.08.2011).

Batuhan H. Batıda Tolerans Fikrinin Gelişimi. — İstanbul : Zengin Kitabevi, 1957.

Devellioğlu F. Osmanlıca-Türkçe Ansiklopedik Lügat. — Ankara : Aydın Kitabevi, 1993.

Hoşgörü (Özlü Söyleri). 2009. URL: <http://www.izafet.com/sanat-ve-edebiyat/452814-hosgoru-ozlu-sozler.html> (дата обращения: 24.08.2011).

Meydan Larousse Büyük Lügat ve Ansiklopedi. — İstanbul : Meydan Gazetecilik ve Neşriyat Limited Şirketi, 1990. Т. 6.

Ortaylı İ. «Tolerans ve Tesâmuh», Osmanlı'da Hoşgörü. — İstanbul : Yağmur Yayınları, 2000.

ИСТОЧНИКИ

Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 дек. 2010 г. // URL: <http://президент.рф/выступления/9913>.

Стенограмма встречи В. В. Путина с представителями конфессий и национально-культурных и общественных организаций. 20 июля 2011 г. // URL: <http://premier.gov.ru/events/news/15972>.

Холмогорова Егор. Мы — русские, не «россияне» // Русский обозреватель. URL: <http://www.rus-obr.ru/day-comment/9539>.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Хоккеист Алексей Ковалев: «Я россиянин и люблю свою страну» // Вече Твери : обл. ежед. газ. URL: <http://www.veche.tver.ru/index.shtml?news=3370>.

Интервью Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина создателям документального фильма «Урок истории». 9.05.2010. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/10522>.

Заседание по вопросу подготовки к празднованию 1150-летия зарождения российской государственности (заключительное слово). 22 июля 2011 г. URL: <http://www.news.kremlin.ru/video/898>.

Пресс-конференция Президента России. 18 мая 2011 г. URL: <http://президент.рф/выступления/1159>.

Итоги года с Президентом России. 24 дек. 2009 г. URL: <http://президент.рф/новости/6450>.

Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение. 16.12.2010. URL: <http://www.moskva-putinu.ru>.

Стенограмма интервью Владимира Путина украинским телеканалам. 27 окт. 2004 г. URL: <http://www.ukraine.ru/stories/01/11/26/2091/230908.html>.

О необходимости русского национализма // Русский рубеж сибирских казаков. № 1 от 25.10.2006.

Букварь русского человека // Родная Сибирь : газ. 2006.

Интервью Владимира Квачкова «Эху Москвы». 15 июня 2008 г. URL: <http://www.zavolu.info/1603.html#comments>.

Медведев В. С., Хомяков В. Е. Идея будущего, или Как вернуть Россию на Национальный путь. — М. : Современные тетради, 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева